

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Лопата вонзилась в удобренную почву, вывернула пласт. Копатель крикнул, разбил комки. Земля уже оттаяла, поддавалась легко. Садовод со знанием дела формировал грядку под будущий огуречник. Суббота выдалась безупречной, дул освежающий ветерок, по небу плыли облака, похожие на вату.

Дачник отставил лопату, передохнул. Еще несколько рядов, и можно ставить самодельный парник. Ему было за пятьдесят, смотрелся он моложаво, даже спортивно. Ростом выше среднего, скуласт, гладко выбрит. Под короткими рукавами полосатой футболки перекачивались крепкие мышцы.

Он украдкой посмотрел по сторонам. Было с утра безотчетное беспокойство, к полудню оно развеялось, но осадок остался.

Все было штатно, даже более чем. Над подмосковным дачным кооперативом раскинулось мирное небо — сегодня как раз очередная его годовщина. Ровно 36 лет назад в пригороде

Берлина был подписан акт о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии. Страна праздновала, кто-то остался в городе, другие по заведенной традиции устремились на дачи. Сам он прибыл сюда час назад, остальные тоже подтягивались — одни на личном транспорте, другие пешком с электрички. Первое время из динамика над садовым управлением звучали бодрые марши, «День Победы» в исполнении Льва Лещенко, потом все стихло.

Дача была компактной, пряталась за ветвями рябин. Шесть соток — вот и все поместье. У крыльца стоял бежевый ВАЗ-2101. Кузов поблескивал свежей краской. За личным транспортом владелец следил: первым делом, добравшись до дачи, помыл машину.

Он снова взялся за лопату. Безотчетное беспокорство возвращалось, портило такой приятный день.

На другой стороне дороги дачники завели пластинку. Поскрипывала игла. «Лишь позавчера нас судьба свела...» — затянул солист ансамбля «Лейся, песня» под управлением некоего Михаила Шуфутинского.

— Бог в помощь, Арнольд Георгиевич, — донеслось с соседнего участка.

Мужчина вздрогнул, но вида не подал. Из дома вышла крепкая в кости соседка в халате и соломенной шляпе, пристроила на свободном от сорняков пространстве громоздкий шезлонг.

ДЕВЯТЫЙ КРУГ

— Бога нет, Анна Филипповна, — дружелюбно улыбнулся сосед, — что убедительно доказано советской наукой. Но все равно — здравствуйте. С праздником.

— И вас, Арнольд Георгиевич. — Соседка взгромозила на шезлонг свои пышные телеса. — Не заметила, как вы приехали. Вздремнула грешным делом — неделя выдалась трудной. Проверки одна за другой, представляете? ОБХСС, народный контроль, кто-то еще, даже не помню... Жорик с вечера привез меня сюда, а сам умчался обратно в город — держать оборону.

— Держитесь, Анна Филипповн, надо выстоять, — сосед иронично улыбнулся.

— Продержимся. — Соседка подавила зевоту. — Наша база — передовая в районе, победитель социалистического соревнования. Мы честны перед законом и этим гордимся. А недобросовестные конкуренты, извините уж, они везде... На парад ходили, Арнольд Георгиевич?

— Что вы, Анна Филипповна, пробиться на Красную площадь в такой день — как к рейхстагу в 45-м. Посмотрел по телику, собрался — и сюда. Мои в городе остались: теща, Людмила Олеговна, обещала заехать.

— Ну, конечно, — соседка прыснула, — сразу образуется масса неотложных дел. Радость какая, Арнольд Георгиевич, прошу простить за язвительный тон. Это так знакомо. Матушка Жорика тоже не подарок. Предвосхищаю, кстати, ваше

недовольство. Жорик приедет и скосит эти одуванчики, на которые вы так недобро смотрите. Ума не приложу, почему они так быстро растут.

— А самой, значит, вера не позволяет, — пробормотал садовод, но так, чтобы соседка не слышала.

«Сколько дней потеряно, их вернуть нельзя...» — с драматическим надрывом выводил певец. По дороге вдоль ограды проехал «Москвич» с багажником на крыше. Арнольд Георгиевич проводил его взглядом. Приподняла голову и соседка. Снова поскрипывал черенок, падали комья земли.

— Вы так увлеченно трудитесь, Арнольд Георгиевич, — заметила Анна Филипповна, — мне аж неловко. Хоть самой за лопату берись. Но не могу: не мое. Дачные работы — прерогатива Жорика, в этом вы с ним схожи. Можно подумать, вам зарплаты не хватает купить на зиму овощи.

— Вы не правы, Анна Филипповна, — сосед охотно поддерживал беседу. — Вы давно посещали овощной магазин? Зрелище, уверяю вас, тягостное. Покупать на рынке — накладно. На венгерском «Глобусе» и болгарском кетчупе далеко не уедешь: их еще найти надо и очередь отстоять. Государство дает нам уникальную возможность бесплатно вырастить урожай — значительный, вкусный, без всяких вредных примесей. Наши дачи — те же загородные виллы в миниатюре. Хотите — живите на них все лето, дышите свежим воздухом; не нравится работать на грядах

ДЕВЯТЫЙ КРУГ

ках — отдыхайте, жарьте шашлыки, разводите цветочки. Разве это возможно в другой стране?

— А разве нет? — Соседка приоткрыла один глаз.

— Представьте себе. Уж я-то знаю. Хороший знакомый вернулся с симпозиума в Западной Германии. В капиталистическом мире, вы удивитесь, тоже существуют дачи — впрочем, они используют другие слова. Маленькие участки, 3—4 сотки, на них стоят крохотные фанерные домики. Приезжайте, ради бога, отдохайте от городской суеты. Но, первое: по их бездушным законам в этих домиках нельзя ночевать. Утром приехал, вечером — покинь территорию. Остался на ночь — плати штраф. И второе: на их участках запрещается выращивать сельхозпродукцию. Любую, даже укроп. Считается, что этим вы ущемляете права фермеров.

— Дикость какая, — удивилась соседка, — просто фашизм. Ладно, уговорили, полежу еще немного и пойду искать лопату, если Жорик не запер весь инструментарий в гараже.

— Ступайте, голубушка, — пробормотал садовод, — труд облагораживает...

По-прежнему выла заезженная пластинка: «И опять меня обступала мгла, где же ты была...» Ее поставили повторно: песня нравилась населению.

Из далекого переулка выехала машина, черная «Волга». Она ползла по дороге вдоль ограды. Шуршал гравий под колесами. Двигатель рабо-

тал подозрительно тихо — редкость для отечественного автомобиля.

Беспокойство усилилось. Арнольд Георгиевич выдернул из земли лопату, очистил ботинком грань штыка — и снова воткнул. Черная машина была уже близко.

Насторожилась и Анна Филипповна, вытянула шею. Облегченно вздохнула, когда «Волга» проследовала мимо ее калитки. А вот у следующей остановилась.

Арнольд Георгиевич почувствовал слабость в ногах. Из машины вышли трое в штатском, но с такими лицами, что документы можно не спрашивать.

«Сколько дней потеряно, их вернуть нельзя...» Пластинку заело, голос то и дело срывался: «Вернуть нельзя... вернуть нельзя...»

— Добрый день, — вежливо поздоровался мужчина в опрятной куртке. — Толмачев Арнольд Георгиевич?

— Да, а в чем дело? — голос просел, во рту моментально появилась сухость. Дачник перехватил удивленный взгляд соседки. Анна Филипповна неловко выбиралась из шезлонга, видимо, вспомнила про дела.

— Мы войдем? Не возражаете? — Скрипнула калитка, чужаки по одному прошли на участок. Их лица были безучастны, только тот, что шел первым, механически улыбался.

— Да, конечно, — пробормотал хозяин, — мы всегда гостям рады...

ДЕВЯТЫЙ КРУГ

Сердце упало, онемение расплзлось по членам. Он действовал нелогично, но иначе не мог. Оставил в покое лопату, попятился на цыпочках, ступил на дорожку между грядками. Ноги понесли к дому, работало боковое зрение. Гости обходили беседку, пока не ускорялись. Он вбежал на крыльцо, споткнулся.

— Куда же вы, Арнольд Георгиевич? — прозвучало в спину.

Все это было глупо, но он уже не контролировал себя. Вбежал в дом, повернул собачку замка и прислонился к стене. Липкий страх расплзался по коже, невидимая удавка сдавила горло. Случилось страшное, и выдержка отказала. По-разному представлял он этот день, во всех ракурсах, не спал ночами, пугая жену. Что делать? Он обливался потом, задышался от животного страха.

— Арнольд Георгиевич, ну что вы как маленький? — прозвучало с улицы, — Даже неловко за вас. Вы же умный человек, все понимаете.

«Может, ошибка? — мелькнуло в голове. — Перепутали адрес, не туда зашли. Почтеннейшая Анна Филипповна тоже не овечка, и к ней должны накопиться вопросы. Нет, обращались по имени-отчеству, это не ошибка...»

Ведь чувствовал же последние дни: что-то не так — спина чесалась, голова трещала как в тисках.

«Задняя дверь! — осенило. — Бежать! Перелук, овраг, американское посольство...»

Это было форменное безумие. Он миновал на онемевших ногах проходную комнату, выбрался в тесный коридор, заставленный тазами. Задней дверью пользовались редко. Под ногами что-то загремело, покатилося по полу. Звякнул проржавевший крючок. Он вывалился на улицу. Но и здесь его уже ждали.

— Может, хватит, Арнольд Георгиевич? — Субъект с идеальным пробором шагнул вперед, предотвращая отступление в дом. Он вывернул ему руку, Арнольд Георгиевич взвыл, ударившись лбом о косяк.

— Комитет государственной безопасности. Вы арестованы, гражданин Толмачев. Против вас возбуждено уголовное дело по статье 64, пункт «а». Вы же в курсе, о чем эта статья? Не надо сопротивляться, вы прекрасно знали, на что шли. Будьте мужчиной.

Но он не мог такое принять. Разум помутился, руки не ведали, что творили. Бедняга пытался вырваться, хрипел, бормотал, что ни в чем не виноват, что будет жаловаться в Совет министров!

Подошли еще двое, схватили за руки, за ноги, оторвали от земли. Его несли, как мешок с картошкой, при этом даже не шутили, хотя ситуация сложилась комичная. Щелкнул затвор фотоаппарата — велась съемка. За углом Толмачев опомнился, стал просить, чтобы его поставили на ноги, сам пойдет. Люди же смотрят!

Его поставили, взяли под руки. Люди действительно смотрели. Чуть не подавилась Анна

ДЕВЯТЫЙ КРУГ

Филипповна, прикрыла дверь — оставив, впрочем, шелку. Озирались пешеходы с сумками, идущие с электрички.

Арестованного вывели за калитку. Он сам уселся на заднее сиденье. Двое втиснулись по бокам: подперли задержанного. Водитель занял свое место.

— Надо же, Девятого мая взяли упыря, — хмыкнул один из сидящих сзади, — в великий день.

— Символично, — согласился водитель и надавил на педаль газа.

В помещении с голыми стенами было зябко, неуютно. Единственное окно закрывали плотные шторы. Растекался свет от настольной лампы.

Сидящий на стуле выглядел неважно. За прошедшие трое суток он сильно сдал, осунулся, кожа покрылась серой сыпью. В глазах застыла обреченность. Он сидел, опустив голову. Лицо собеседника пряталось в тени, освещались только руки, перелистывающие бумаги.

— Вы хорошо себя чувствуете, Арнольд Георгиевич? Есть жалобы, пожелания?

— Спасибо, все хорошо... — арестант разлепил слипшиеся губы. Он был одет в спортивный костюм с надписью «Динамо» — не новый, с протертыми коленями. — Впрочем, есть одно пожелание, если это уместно... — Он говорил не поднимая головы, смотрел из-под бровей, седе-

ющих вместе с волосами. — Я три дня нахожусь в одиночной камере, там сыро, темно, я давно не видел солнечного света...

— Вы обвиняете в этом следственные органы? — с иронией отозвался сотрудник ведомства. — Таков порядок, гражданин Толмачев. Зато у вас есть масса времени, чтобы все обдумать и сделать выводы. Хорошо, вечером вас выведут на прогулку, — смилостивился следователь, — если вас не смущает постоянно моросящий дождь. Сказать по правде, мы тоже три дня не видели солнечного света.

— Спасибо... Почему меня опять допрашивают? Я же все сказал...

— Не все, гражданин Толмачев. Это были предварительные беседы, их проводили сотрудники смежного отдела. Нас интересует другое. Но для начала пройдемся по общим темам, не возражаете?

На столе, в углу, шелестела магнитная лента: допрос записывался. Стены в помещении имели не только уши, но и глаза — арестант их чувствовал, от этого немела кожа на затылке. Собеседник молчал, с интересом вглядывался в серое лицо предателя.

Тот воспользовался паузой:

— Как вам удалось меня найти? Я всегда проявлял осторожность...

— Мы знаем. Из вашего учреждения несколько лет происходили утечки, но их связывали с другими именами. Мы были удивлены, узнав,

ДЕВЯТЫЙ КРУГ

что агент Самсон — это вы. Ваше имя назвал перебежавший в СССР агент ЦРУ. Помимо вашего имени, он сообщил другие интересные сведения. Но давайте по порядку. Имя перебежчика оставим в секрете. Удивлены? Бегут не только от нас, но и к нам — в этом нет ничего удивительного. Удовлетворили свое любопытство? Итак, вам 54 года, родились в Казахской ССР... тогда еще АССР. На войну не попали, она закончилась за год до вашего совершеннолетия. Повезло вам, Арнольд Георгиевич. Поступили в Харьковский политехнический институт, по окончании учебы получили распределение в НИИ радиостроения при тогдашнем Министерстве радиопромышленности, где и работали до последнего времени. Женились, есть сын. Отец вашей супруги был репрессирован в 1937 году как враг народа. Он скончался в лагере от болезни, не дожив до 54-х. Не это ли послужило мотивом к предательству? Вопрос академический. Вы проживаете в высотном доме на Кудринской площади — неплохо. Два шага до американского посольства — удобно, далеко ходить не надо... Вы ведущий инженер Института радиостроения, структурного подразделения НИИ приборостроения; крупный специалист в области радиолокации и авиации. Имеете неплохую зарплату — 350 рублей. В каком году, позвольте уточнить, произошло ваше грехопадение? Вижу, не отвечайте: в 1976-м, пять лет назад. Согласно вашим показаниям, вы долго пытались устано-

вить контакт со спецслужбами США, в итоге это вам удалось. Ваш контакт — некто Пол Саймон, сотрудник ЦРУ под дипломатическим прикрытием. Он тоже задержан, в ближайшее время будет выдворен из страны. Эти господа — неплохие психологи, не правда ли? Им интересно, почему советские люди идут на предательство. Вы часто беседовали со своими кураторами в безопасных местах. Уверяли, что в душе яростный противник советского строя, имеете диссидентские наклонности. Вам по душе такие личности, как Солженицын, Сахаров, вы полностью разделяете их позицию, выступаете против политики советских властей... Между нами говоря, — следователь усмехнулся, — Александр Исаевич — весьма неприятный тип. И только после этого — махровый антисоветчик. Участвовал в войне, но уже на фронте занимался антисоветской агитацией. А это предательство, согласитесь. И не только в Советском Союзе, но и везде. Отвоюй, победи врага, а потом агитируй, если найдешь слушателей. Тем не менее государство проявило гуманность: Солженицына просто выдворили из СССР восемь лет назад. Сейчас томится где-то в Америке, ведет разнузданную антисоветскую агитацию, продолжает строчить свои писульки. Литератор так себе, без особых дарований. «Архипелаг ГУЛАГ» написан отвратительно. Мало того, что вранье, так еще и трудно читается, абсолютно неудобоваримый текст. Хороших же кумиров вы себе выбираете, Арнольд Георгиевич.

ДЕВЯТЫЙ КРУГ

— Я никогда не говорил о Солженицыне, — пробормотал Толмачев. — Может, упомянул пару раз... Мой ориентир — академик Андрей Сахаров. Это человек, на которого хочется равняться. К сожалению, ничего не знаю о его судьбе.

— Хотите на здоровье, — усмехнулся следователь, — но вам не встать на одну ступень с ним. Согласен, видный диссидент и так называемый правозащитник. Но заслуги господина Сахарова — поболее ваших. Все же водородную бомбу изобрел. Трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Сталинской премий. И еще один немаловажный аспект: невзирая на свои бредовые и откровенно антикоммунистические взгляды, Андрей Дмитриевич никогда не продавал секреты страны. А уж ему было что продать. С академиком, кстати, все в порядке. После истерики, устроенной по поводу ввода наших войск в Афганистан, Сахарова лишили наград, премий и выслали в город Горький под домашний арест. Всего лишь. С ним поехала супруга. Так что у Андрея Дмитриевича все в порядке, хотя он и отошел от научной деятельности... И если бы вас это действительно интересовало, то знали бы. Но давайте продолжим. Вы пять лет работали на американскую разведку: передавали ей секретную информацию касательно наших РЛС, ракет, зенитно-ракетных комплексов, данные об авионике истребителей СУ и МиГ. Разумеется, вы работали не за деньги — за идею, не так ли? Поддержать

свободный мир и нанести вред «империи зла». А деньги — это так... — Следователь отыскал нужное место в протоколе предыдущего допроса. — Лишь «оценка важности вашей работы». Кстати, своей «оценкой» вы изрядно опустошили бюджет ЦРУ. По информации от перебежчика, вы получили только советскими дензнаками 800 тысяч рублей. И два миллиона долларов США осели на депозитных счетах в иностранных банках. Можно только представить, какой объем информации вы передали своим хозяевам за эти годы... Перебежчику нет оснований преувеличивать. В кулуарах западных спецслужб вас прозвали «шпион на миллиард долларов». Вы нанесли колоссальный вред обороноспособности нашего государства. Осознаете, Арнольд Георгиевич, что за это полагается?

Следователь поднялся, обошел вокруг стола, чтобы размять ноги. Арестант втянул голову в плечи. Брезгливая усмешка показалась на губах следователя.

— Не волнуйтесь, Арнольд Георгиевич, бить я вас не буду. Мы не в милиции. Вы умный человек, запах денег вас не одурманил. Несмотря на выплаченные «гонорары», вы жили скромно — как и положено инженеру с зарплатой в 350 рублей. Небольшая дача, «Жигули» первой модели. А хорошая квартира у вас и так была. Мы самокритичны, Арнольд Георгиевич, признаем: кабы не эта случайность, вы бы окончательно развалили нашу оборонную промышленность.

ДЕВЯТЫЙ КРУГ

— Прошу вас, только не высшая мера... — Человек на табурете сник, задрожал. — Я никого не убил, не устраивал теракты, жил тихой жизнью... Я всего лишь инженер на предприятии, имею заслуги...

— Что за детский сад, Арнольд Георгиевич? Вы еще поплачьте, скажите, что больше так не будете. Натворили дел — имейте мужество ответить. Впрочем, есть одна тема... — собеседник сделал паузу. — Обещать ничего не буду, но есть возможность частично искупить вину. Что вам известно о проекте «12–49»?

— А он здесь при чем? — Толмачев явно удивился, это не укрылось от внимания следователя. — Да, существует такой проект или, если угодно, крупная государственная программа, заказ Министерства обороны. Ее выполняют предприятия Министерства общего машиностроения. Проект касается разработки и производства ЗРК С-10 «Гранат». Зенитно-ракетный комплекс морского базирования с ракетой КС-122. Это крылатая ракета стратегического назначения, выстреливается из 533-мм торпедных аппаратов подводных лодок. Данные ракеты поражают цели в глубине обороны противника, действуют по заранее введенным координатам. Крылатая ракета имеет малое отражение радиоволн и может атаковать на малой высоте, что затрудняет ее обнаружение средствами радиолокации...

— Мы знаем, что такое крылатая ракета. Ваша организация занимается этим проектом?

— Нет, — инженер насторожился и как-то подобрался, — по крайней мере, лично я этой темой не занимался. Но представляю, о чем речь. НИИ приборостроения, которому подчиняется и наш институт, является головной организацией для предприятий, занимающихся данным проектом. НИИП разработал систему инерциального управления ракетой КС-122, кое-что еще — это связано с маневренностью, устойчивостью и точностью поражения. Также НИИП готовит технические задания для предприятий-исполнителей. Последние находятся в Сибири, в Н-ске. Там расположена основная производственная база... А почему вы спрашиваете?

— По мнению перебежчика, в Н-ске вокруг данного проекта действует шпионская сеть. Что вам об этом известно?

— Ничего неизвестно... — Толмачев вспыхнул, заерзал на стуле.

— Вам знакомо слово «Звонарь»? Это псевдоним агента в Сибири. Мы не знаем, в какой организации он трудится. Известен лишь факт: у этого человека есть доступ к секретной информации. Он передает ее на Запад уже несколько лет. Ранее он продал другие проекты, сейчас в его «ведении» проект «12-49». Повторяю вопрос: вам знаком псевдоним Звонарь?

— Нет, я ничего об этом не знаю... — Арестант как-то сразу усох, сократился в объеме.

ДЕВЯТЫЙ КРУГ

— Эх, Арнольд Георгиевич, — следователь манерно вздохнул, — и вы еще просите о снисхождении. У вас же на лице все написано.

— Но я действительно не занимался этой темой... Прошу поверить, мне нет смысла что-то утаивать... Вы правы, в Сибири действует разведчик... Чему вы улыбаетесь, товарищ следователь?

— Предлагаю использовать правильную терминологию. «Шпион» — слово с ярко выраженной негативной окраской. Как сказали бы в определенных кругах — «плохой человек», «редиска». А разведчик — хороший, наш. Так же, как «повстанец» и «мятежник». В принципе, одно и то же, но это смотря откуда смотреть. Улавливаете разницу? Это так, мимоходом. Со своей колокольни вы правы: для вас он разведчик, свой парень.

— Я его в глаза не видел... — Толмачев опять вспыхнул. — Хорошо, однажды во время беседы с Полом в парке Горького он упомянул этот проект. Завел разговор о новой разработке советских инженеров — крылатой ракете КС-122. Запад заинтересован в проекте: в данной области они отстают. Их «Томагавки» — лишь бледное подобие наших ракет, имеют слабые характеристики. За счет украденных данных они планируют усилить дальность и точность своих изделий. Саймон выразил сожаление, что я не занимаюсь этой темой, иначе их задача бы упростилась. Он упомянул Сибирь, тогда и прозвучало слово «Звонарь» — единственный раз. Мне кажется, Саймон просто

хвастался. Он обычный человек, падок на слабости; в тот день он много говорил, шутил, мы даже поспорили, чей оборонный потенциал мощнее. С его слов выходило, что агент Звонарь со своей задачей справляется, но есть неудобства: ограниченные возможности агента, огромное расстояние до Сибири, отсутствие там каких-либо посольских учреждений. Тему Саймон не развивал, одумался, закруглил беседу. Но псевдоним агента прозвучал. Поверьте, товарищ следователь, я не лукавлю... Я могу к вам так обращаться?

— Как вам удобно, Арнольд Георгиевич. На каком предприятии в Н-ске действует агент?

— Саймон об этом не говорил...

— Подумайте. Это важно для нас. А значит, и для вас.

— Я все понимаю... — Лицо предателя сморщилось. — Но это правда, товарищ следователь. Сами подумайте, зачем моему контакту откровенничать? Он понимал, что в данном вопросе я бессилен. В Москве частично осуществлялись разработки, не спорю, но этим занимались другие предприятия. Подождите... — Толмачев беспокойно дернулся, — не сбрасывайте меня со счетов, попробую помочь...

— Только без фантазий, товарищ Толмачев. — Следователь явно поощрял собеседника этим «товарищем».

— Не собираюсь я фантазировать. Просто логика и знания, как работает данная отрасль... — Арестант приободрился. — Давайте заново. Все

задания исходят от НИИП. Система управления, система отслеживания, постановка помех и так далее разрабатываются в Москве и передаются в Сибирь в качестве проектной документации, спецификаций, обоснований, дополнительных материалов и тому подобного. Действия согласованы с Министерством общего машиностроения. Все это поступает в проектный институт «Сибмашпроект», где соответствующие подразделения доводят работу до ума и выдают готовую документацию. Она поступает на опытный завод «Точприбор», где расходится по отделам и цехам. На заводе свое КБ, где осуществляется доработка чертежей применительно к текущим заводским условиям. Всю документацию вы там не соберете — лишь фрагменты, не позволяющие видеть полную картину. Проект членится по цехам, а это крупное производство с десятком корпусов: прессовочные цеха, литейные, металлорежущие, термические, гальванические, лакокрасочные. Схемы и блоки производятся отдельно: это точное электронное производство. На заводе может обосноваться шпион, но в этом случае это какой-то Фигаро — то здесь то там. Заявляю со всей ответственностью: агент с позывным Звонарь работает в проектном институте «Сибмашпроект». Это крупное режимное учреждение. Там находится вся документация. Доработка, модернизация, замена узлов и механизмов — все в их компетенции. Проект ЗРК и ракеты — это не пара чертежей, это центнеры бумаги! Не

что-то застывшее, оно находится в постоянном движении, улучшается, совершенствуется, подгоняется под возможности промышленности. Не знаю, как вам еще объяснить...

Собеседник проявил живой интерес:

— Какова вероятность, что «крот» обосновался именно там?

— Если «крот» существует, то вероятность — девяносто процентов. Никто не хочет усложнять себе жизнь. Ищите специалиста с формой допуска не ниже второй. Первая — у директора и начальника Первого отдела. В институте работают высококлассные специалисты, настоящая техническая интеллигенция. Эти люди способны критически оценивать реальность. Завербовали меня — завербуют и их, в этом нет ничего невозможного... — Толмачев скорбно поджал губы.

— Не судите всех по себе, Арнольд Георгиевич, — посоветовал следователь. — Ну, что ж, благодарю за познавательную лекцию. У вас усталый вид. Идите, отдыхайте...

ГЛАВА ВТОРАЯ

16 мая, суббота

Крякнула утка, за ней вторая, в следующий миг целая стая вырвалась из камышей и подавалась через озеро. Что-то спугнуло водоплаваю-

ших. Водоем был внушительным, не всякая утка перелетит.

Птицы уселись на воду. Снова наступила тишина — какая-то неустойчивая, временная. Ветра практически не было, водная гладь застыла. Но в небе все было иначе: облака на месте не стояли, плыли, сгущались. С севера подступала страшная темная туча, похожая на бараний курдюк, заполненный жиром. Тишина напоминала затишье перед бурей. Заросли камышей теснились в воде, расступались, образуя пологий спуск. Ивняк перемежался низкорослыми осинами. У воды виднелось свободное пространство, дальше начинались заросли, петляла тропа между деревьями. Монотонно позвякивали уключины, плескалась вода: к берегу подходила плоскодонка с единственным пассажиром.

Мужчина в штормовке и резиновых сапогах вяло греб, направляя посудину в пространство между камышами. Весла застыли, он проводил глазами утиную стаю, покосился на приближающуюся тучу. Снова заскрипели уключины. Выиграла рыба под кормой. Сработал инстинкт: мужчина резко повернул голову.

Лодка ткнулась в берег. Рыболов перебрался через носовую банку, прошлепал по воде. Крякнув, вытащил суденышко на берег — не такая уж и тяжесть для физически развитого человека. Снова глянул на циферблат наручных часов, покачал головой и пробормотал:

— И где же нас носит, Дмитрий Васильевич? Все сроки приличия вышли. Вот и полагайся на таких родственников...

Безмолвие, зависшее над озером, становилось зловещим. Туча надвигалась, оттесняла безвредные кучевые облака. Никакой трагедии в этом не было, грозы — явление скоротечное, а за деревьями рыбака поджидала машина.

В округе никого не было, только одинокий рыболов-любитель. Человек следил за собой, сохранял подтянутый вид — возможно, в прошлом был военным. Он забрался в лодку, вынул спиннинг и досадливо поморщился: леска запуталась, вокруг катушки образовалась «борода». Такую и за час не распутать. Зачем вообще забрасывал? На блесну ловятся хищники, а в этом озере их практически не осталось.

Помимо спиннинга имелась удочка. Он отнес «пострадавшее» удилище в сторону, положил на камни. Пружинящей походкой вернулся к лодке, стал, расставив ноги, посмотрел вокруг. Туча наезжала, внезапно поднялся ветер, затряслись камыши. Вода покрылась рябью. Еще минута — и покроется кругами от дождевых капель.

Спохватившись, он отправился к лодке, выбросил из нее объемный рюкзак. Достал со дна проводочный садок с рыбой. Улов был знатный, десятка полтора — в основном жирные караси. Ловил на червя бамбуковой телескопической удочкой.

Он поднял садок, полюбовался на добычу. Рыба возмущалась, стучала хвостом, шевели-

ДЕВЯТЫЙ КРУГ

лись пухлые губы. Улов следовало погрузить в воду, прежде чем бежать к машине. Он достал из лодки заранее заготовленную рогатину с заостренным концом, вошел в воду и стал вкручивать ее в илистое дно. Садок положил рядом — не убежит. Работу прервал шум, возникший за спиной. Кто-то подходил, поскрипывала пока еще сухая глина.

— Ну, наконец-то, Дмитрий Васильевич... — Мужчина разогнул спину и обернулся. Лицо вытянулось от удивления, в глазах мелькнуло беспокойство: — Мы знакомы? Вы кто? Эй, подождите, что вы де...

Удар обрушился на голову — сравнительно мягким, но тяжелым предметом. Искры брызнули из глаз. Рыболов потерял сознание и упал на землю — вместе с первыми дождевыми каплями...

В столице было теплее. Там жарило солнце, расцветала природа. В Сибири же весна события не форсировала: деревья зеленели неспешно, плюс эти неприятные ветра и дожди...

Майор Кольцов поежился, поднял стекло, покосился на водителя ведомственной «Волги». Парень закусил губу, подался вперед, всматривался в дорогу. Проселок петлял между осинами, возникали ассоциации с фронтовой дорогой, по которой подвозят боеприпасы. Недавно по городу и окрестностям прокатилась гроза, почва раскисла. Автомобильная поездка затягивалась.

Город давно оборвался, машина погружалась в дикую природу.

Майору недавно исполнилось тридцать пять. Он был сравнительно высок, русоволос, обладал представительной внешностью и толикой загадочности благодаря своим светло-серым глазам.

Машину тряхнуло на ухабе, водитель глухо чертыхнулся, пробормотал:

— Извините.

Кольцов обернулся. На заднем сиденье томилась двое, прилипли к окнам — каждый к своему. Оба молодые, хорошо одетые. Вадим Москвин то и дело зевал, деликатно прикрывая рот. Он прибыл с Кольцовым и, в отличие от последнего, в самолете не спал. Хотя предупреждали: время другое, в Сибири будет день, и уже не поспишь. Второй пассажир был из местных — старший лейтенант Славин, брюнет с «усредненным» незапоминающимся лицом. Он повернул голову, изобразил подобие улыбки:

— Скоро прибудем, Михаил Андреевич, пять минут до Тепличного озера. Дорожка — так себе, но надо потерпеть. И с погодой сегодня не заладилось. Еще утром было солнце, тепло — не хуже, чем у вас в столицах. А потом как хлынуло, все пропало. Удивляюсь, что ваш самолет нигде не задержали. Диспетчеры в Толмачево — народ простодушный, могли и в Барнаул отправить, им-то что?

ДЕВЯТЫЙ КРУГ

— Пусть только попробуют, — глухо проворчал светловолосый Вадим Москвин и снова с есенинской грустью уставился в окно.

Самолет действительно прибыл по расписанию. Признак дурного тона — отправляться в командировку в пятницу вечером. Но кому-то из начальства не терпелось. В «конторе» выходных не бывает. Дело особой важности — объяснили в высоком кабинете.

Прибыли вчетвером: помимо Кольцова и Москвина — Алексей Швец и Григорий Вишнеvский. Славин встретил их в аэропорту; хорошо, что один, а то прицеп пришлось бы искать.

«Серьезная команда, — оценил он состав столичной делегации, — неужели настолько все плохо?»

О делах в пути молчали — смотрели на шумный полуторамиллионный город. Даже в субботу улицы не пустовали, на выезде из города образовался затор: горожане рвались на природу.

Управление располагалось на улице с говорящим названием Коммунистическая. Там же, впритирку, — двухэтажное здание ведомственной гостиницы.

— Впервые в нашем городе, товарищи? — поинтересовался Славин. — Оно и видно, сочувствую. Без бутылки в наших хитросплетениях не разобраться. Один центр за неделю пешком не обойдете.

Город раскинулся на огромной площади по обоим берегам Оби. Кварталы частного сектора сменялись жилыми массивами. Над городом высился единственный «небоскреб», видимый с любого места — 25-этажная гостиница на привокзальной площади. Местные товарищи действовали четко — доставили быстро, тут же заселили в «отель», оказавшийся вполне приемлемым. Каждому — свой номер, пусть небольшой, но чистый и с телевизором.

— Балуете, товарищи, — одобрительно урчал Григорий Вишневский, рослый, черноволосый, из породы тех, на кого оглядываются женщины. — А мы по простоте душевной думали: хуже будет...

— Собирай людей, Николай, — распорядился Кольцов, — и рабочее помещение подготовь. Будем в курс входить, уж извиняй за испорченные выходные.

Через четверть часа их испортили окончательно. Михаил раскладывал вещи, когда в проеме показался возбужденный Славин.

— Виноват, товарищ майор. На Тепличном озере обнаружен труп. Тело принадлежит Запольскому Владимиру Кирилловичу — заместителю директора проектного института «Сибмаш-проект». Вы упоминали это учреждение. Тема интересует? Жертва, по-видимому, рыбачила. Милиция уже там, обещали до нашего приезда ничего не трогать. Машина у подъезда.

Тема еще как интересовала! В случайные совпадения Кольцов не верил. Открытый чемо-

дан остался в номере, Михаил задвинул его под кровать. Тащить с собой все войско смысла не было — взял Москвина, остальным приказал сидеть и ждать указаний. И нечего шляться по незнакомому городу!

В дороге выяснилось: тело нашли в озерной местности к северу от поселка Кольцово (Москвин тут же прошелся по «однофамильцу»), где недавно открылся научно-исследовательский институт молекулярной биологии. Места глухие, посещаемость низкая — только рыбаки да охотники.

Ближе к месту легкое недоумение вылилось в полное непонимание. Ехали долго, по таким местам, где не то что телефона — прохожего не найти.

— Объясни, Николай, — он снова повернулся, — едем по глухим местам. Для любителей природы, может, и сойдет, но с цивилизацией — полная беда. Допустим, нашли тело. Но как с такой скоростью сообщили в милицию? Где тут телефоны? И как идентифицировали? Рыбаки что, носят с собой паспорта и трудовые книжки?

— Да, странно, — согласился Славин. — Но на самом деле все просто, товарищ майор. Сообщение пришло от товарища Гурского. Товарищ Гурской — подполковник милиции, заместитель начальника городского УВД. Он близко знаком с Запольским. Они даже родственники: женаты на сестрах или вроде того. Договорились отдохнуть в субботу без жен, детей, шумихи. Здесь за-

поведник, к тому же действует запрет до июня на рыбную ловлю: рыба нерестится. Но кого это смущает?

— Барину можно, — буркнул Москвин.

— Вот именно, — кивнул Славин. — У них, как я понял, свое прикормленное место. Лодку тут держат, лесники за ней приглядывают. Рыбы на Тепличном озере — завались. Гурской опоздал на полтора часа. Говорит, кретин какой-то ночью машину поцарапал, а он в гараж ее не убрал. Пока вызвал своих дружков из ГАИ, пока спросили соседей — время прошло. Запольский, понятно, без дела не сидел, рыбачил в одиночестве. Гурской подтянулся, гроза как раз стихла — а на озере труп. Гурской в шоке. Это же его земля! Говорит, Запольский еще теплый был. «Скорую» вызывать не стал — смог отличить мертвое тело от живого. Побежал обратно к машине. В «Волге» «Алтай-3М» установлен — система автоматической телефонной связи. Дозвонился до дежурного по городу, описал ситуацию. Понятно, что милиция выехала без проволочек: не простолюдин все-таки вызвал. Дежурный раскинул мозгами и на всякий случай позвонил в УКГБ. Не просто же труп, а заместитель директора серьезного засекреченного предприятия. Дело, как ни крути, государственное. А если это убийство?

— Снова стечение обстоятельств, — вздохнул Кольцов. — Выпади что-то из цепи — и до завтра бы не узнали.

ДЕВЯТЫЙ КРУГ

— Так и происходит, — пожал плечами Славин, — родня переживает, а у милиции свои порядки: пока не убьют, не приходите.

Прогресс неумолимо наступал. Советский Союз был новатором не только в космосе. Именно в СССР впервые разработали систему мобильной телефонной связи, не зависящей от проводов. Устройство было громоздким, состояло из двух тяжелых блоков и могло размещаться только в машине (как вариант, в танке). Удовольствие, к сожалению, полагалось не всем: не хватало радиоканалов. Мобильной связью пользовались чиновники, милицееское начальство, оперативные службы. Устройство постоянно модернизировали, пытались уменьшить габариты; заменили диск кнопками — в самом деле, покрути этот диск, когда преследуешь по ухабам вооруженных преступников...

— Подъезжаем, товарищ майор, — бросил Славин.

Во все края простиралась глушь. Поселок Кольцово с его молодыми микробиологами остался в стороне. Земля не сохла после дождя, машина с трудом пробиралась по раскисшей колее. На повороте водитель сбавил скорость, колеса плыли, вертелись вхолостую. Шофер перешел на пониженную передачу, надрывался двигатель.

Замурлыкал за спиной Славин: «Вот новый поворот, и мотор ревет...» Песня пользовалась бешеной популярностью, хотя к ее создателям

и исполнителям у Комитета давно назрел ряд вопросов.

Пространство расширилось, слева показалась поляна. Справа — стена деревьев. Обозначилась тропа вглубь лесного массива — видимо, к озеру.

На поляне стояли «УАЗ» и «Жигули» с милицейскими номерами. За ними «Волга» — тоже с характерными номерными знаками (товарищ Гурской не стеснялся использовать служебный транспорт в личных целях). Особняком от них — зеленый ВАЗ-2102 с кузовом универсал — машина явно новая, не обкатанная и, кажется, понятно, кому она принадлежала...

Майор выбрался из машины — в светлом плаще, в ботинках, надраенных кремом, чертыхнулся: носок погрузился в грязь. Это следовало пережить. Грязь майор Кольцов не выносил органически. Коллеги считали его чистюлей, посмеивались за спиной. Родная жена обзывала конкретно: чистоплюем, смеялась, когда он скупал носовые платки, и даже обвиняла в «грязебоязни». Мнение окружающих его мало беспокоило — таким уж мама вырастила. Иногда, впрочем, закрадывалась мысль: а все ли с ним в порядке?

Михаил перебрался на траву, вытер испачканный ботинок и заспешил за Славиным — тот махал рукой, призывая в лес. До озера было метров семьдесят. Тропу торили явно не сегодня.

Вереница людей вышла к воде. Местечко было живописным — в Москве такого не найти.

ДЕВЯТЫЙ КРУГ

Гроза ушла за горизонт, в воздухе царило удивительное спокойствие. По зеркальной глади плавали утки, их не пугало присутствие людей. Застыли деревья, камыши. Пейзаж дополняла лодка, вытщенная на берег, а рядом с лодкой — тело.

Оно лежало на боку. Вокруг трупа возились люди, негромко переговаривались.

— Что, Петрович, не приняли в пенсионеры? — хихикал кто-то.

— А тебе какая забота? Поработаю еще, потреплю ваши нервы, — ворчал пожилой мужчина с седым «ежиком», видимо, эксперт-криминалист.

Двое носили форму, остальные были в штатском. Несколько человек курили в стороне. Появление незнакомцев восприняли неоднозначно. Поднялся мужчина, сидевший на камне. Он был невысокий, полноватый, сильно обрюзгший. Носил брезентовую куртку, болотные сапоги с подвернутыми голенищами. Он только что отпил из фляжки, завинтил крышку, сунул в карман и вразвалку подошел к приехавшим. Исполдбья смотрели колючие глаза.

— А вы еще кто такие? Посторонних попрошу удалиться. — У него был неприятный скрипучий голос.

Присутствующие тоже повернулись, посмотрели без радушия.

Михаил вынул удостоверение, показал собравшимся. Мужчина раздраженно поморщился:

— Аа, Москва...

— Она, родимая. — Кольцов убрал документ. — Так надо, долго объяснять. Полагаю, вы — Гурской Дмитрий Васильевич?

— Гурской, — проворчал мужчина, поколебался и протянул руку.

Пожимать не хотелось, но Михаил пожал. От заместителя начальника УВД исходил запахок дорогого алкоголя. Чуть не вырвалось: «Горе заливаем, товарищ подполковник?» Гурского не смущало, что обратно придется ехать за рулем, причем долго.

Михаил сдержался. Это как красному казаку запрещать ездить пьяным на лошади. Начинать командировку с конфликта не хотелось.

— Что случилось, Дмитрий Васильевич?

— Не видите, человек умер, — проворчал подполковник. — Свояк мой... — Он отвернулся, глухо выругался. — Запольский Владимир Кириллович, работает... работал в проектно институте... Вот дьявол, беда-то какая... — Гурской смотрел в пространство со злостью. Он был расстроен и выбит из колеи. Алкоголь не врачевал, наоборот, только ухудшал состояние.

— Сочувствую, Дмитрий Васильевич. Родственникам сообщили? У вас же телефон в машине.

— Я сам родственник, — огрызнулся Гурской и скрипнул зубами. — Нет, не сообщил. Страшно, майор, не знаю, как это сделать. Вот сию, коньяк глушу, с духом никак не соберусь...

ДЕВЯТЫЙ КРУГ

— Придется, Дмитрий Васильевич. Мы с вами позднее поговорим, хорошо?

Видя, что ничего не происходит, оперативники возобновили работу. Прибывшие разделились. Москвин отправился к воде, стал с любопытством разглядывать садок, лежащий на дне водоема. Емкость сплющилась, но рыба еще шевелилась. В метре торчала одинокая рогатина, вдавленная в ил.

Славин покосился на выброшенный рюкзак, заглянул в лодку. На дне лежало весло, бамбуковая удочка. Там же скопилась вода — возможно, дождевая. Один из оперов (видимо, рыбак-любитель) сидел на корточках рядом со спиннингом, непригодным к применению. Катушку опутывала «борода» из лески.

Кольцов приблизился к трупу. Сидящий на корточках криминалист поднял голову.

— Комитет государственной безопасности. Все в порядке, товарищи, продолжайте, мы не мешаем.

Пожилой криминалист неопределенно крикнул. Остальные переглянулись. Легко сказать «не мешаем» — уже помешали!

Тело лежало на боку с подогнутыми ногами. Это был жилистый мужчина лет сорока пяти или больше. Глаза были полуоткрыты — видимо, смерть наступила мгновенно. При таком ударе — ничего удивительного. Левая височная кость была раскрыта, кровь впиталась в землю, частично смылась дождем — визуально ее было

немного. Уключина лодки — стальной наплыв с отверстием — тоже испачкалась. Дождь отчасти смыл следы, но вокруг отверстия осталась желтоватая налипшая субстанция. Смотреть на нее было неприятно.

В горле предательски запершило. Михаил с усилием отвел глаза. Странное дело: весло было извлечено из уключины, лежало вместе с удочкой на дне лодки.

— Других повреждений на теле не вижу, — заключил эксперт, вставая на ноги. — Смерть наступила от удара об уключину, тут и к бабке не ходи.

— Ну, спасибо, Петрович, а то мы тупые, — проворчал приземистый малый в куртке из искусственной кожи.

— Следов, полагаю, нет, — предположил Кольцов.

— Да откуда, — отмахнулся эксперт. — Бедолага скончался еще до грозы. Хлынуло со страшной силой — если что и было, в кашу превратилось. Бесполезно искать.

— Сами-то как считаете — несчастный случай?

— А это, товарищ, не мое дело, — усмехнулся криминалист, — пусть другие считают и версии строят, а наше дело — трупы осматривать, вскрытия проводить да заключения писать.

— Ясный перец — несчастный случай, — сказал малый в кожзаме. — Камень в землю врос, видите? Ковырялся, видать, в своем барахле, на камне поскользнулся, пытался усто-

ять — и со всего маха виском об уключину. Бывает, не повезло.

— Так метко — прямо об уключину? — засомневался Кольцов.

Оперативники насупились. Они не роптали, но присутствие «посторонних» на месте происшествия их заметно напрягло.

— Так, все понятно, — грузно подошел Гурской. — Убийства не было, еще чего не хватало. Владимир Кириллович погиб по случайности — давайте честно признаем. Операм и криминалистам можно было не приезжать — моя ошибка. Мы же не собираемся выстраивать надуманные версии? Пусть приезжают медики, забирают тело. И ради бога, укройте потерпевшего, что он тут лежит... — Гурской передернул плечами, неласково покосился на Кольцова и побрел к насидженному камню.

Опера продолжали работать. Один из них пристроился на корточки, заполнял протокол.

Михаил отошел, вынул початую пачку «Стюардессы». Сбоку приблизился Москвин, щелкнул зажигалкой.

— Обидно, товарищ майор, — сотрудник понизил голос. — Налог на яйца есть, а на идиотов — нет. Вам тоже кажется, что этих деятелей пора увольнять за несоответствие занимаемой должности?

Майор усмехнулся. «Налог на яйца», как прозвали в народе налог за бездетность, был не лучшим достижением советского строя. От него

страдала добрая половина населения. Брали немало — шесть процентов. Поступления в бюджет были колоссальные, но вряд ли это утешало простых граждан. Налог взымали со всех бездетных мужчин от восемнадцати до шестидесяти, в том числе, с женатых, если у них отсутствовали дети. Женщин это тоже касалось — за исключением замужних. Бездетные женатики возмущались такой дискриминацией.

— Посмотрим, — пробормотал Кольцов, — пока трудно сказать что-то определенное. Но в случайности мы не верим — это точно...

Внимание привлек один оперативник, сравнительно молодой, задумчивый. Он подошел к воде, уперся взглядом в садок. Потом не побоялся замочить ноги, поднял за ручку рыболовный атрибут. Рыба еще подавала признаки жизни, ворочалась.

— Хороший улов, — оскалился эксперт Петрович. — Вот достанете меня, уйду на пенсию — каждый день буду такие приносить. Демаков, ты бы выпустил рыбку, пусть живет. Кому она теперь нужна?

— Сдохла, почитай, уже не оклемается, — проворчал оперативник, опуская садок обратно в воду. Задумчиво посмотрел на торчащую из озера рогатину. — Имею неприятные известия, товарищи. Судя по всему, это убийство.

— Чего? — поднял голову сидящий на камне Гурской.

ДЕВЯТЫЙ КРУГ

— Мне жаль, товарищ подполковник, — вздохнул опер, — если позволите, расскажу.

— Да иди ты, — досадливо крикнул коллега.

— Демаков, тебе больше всех надо? — вскинулся малый в кождезаменителе.

— Ладно, дело хозяйское, — пожал плечами оперативник. — Пусть будет несчастный случай. Вас это устраивает, товарищ? — обернулся он к Кольцову.

— Слушаю, — насторожился Михаил. — Есть мысли?

— Здесь все началось. — Демаков ткнул подбородком себе под ноги. — Жалко, коллеги, что не видите очевидного. Потерпевший рыбачил на лодке, клевало хорошо. Мог бы и дальше сидеть, но испугался тучи. Понял, что скоро хлынет, решил переждать на берегу. Доплыл, вытащил лодку на берег. Рыбу в садке решил сунуть в воду, для этого воткнул рогатину. В этот момент его и ударили по голове...

— С какого перепуга? — фыркнул Гурской. — Фантазер ты, Демаков.

— Не били его по голове, — возразил Петрович. — Осталась бы шишка или еще что. Единственное повреждение черепа — в районе виска.

— Садок до рогатины он так и не донес, — невозмутимо продолжал Демаков. — Садок лежал в воде. Стряхнуть его ветром не могло — ручка проволоочная, концы рогатины длинные. Товарищ подполковник, вы бы так поступили? Хотел повесить, но не успел, отвлекли. По голове

дали глушарем — все присутствующие знают, что это такое. Мешочек с песком — оглушишь с гарантией, если хорошо треснешь. Следов на черепахе не остается. Уголовники такое практикуют — как бывалые, так и начинающие.

— Урка, значит, работал? — насутился криминалист.

— Или тот, кто знает их повадки. Штука небольшая, помещается в кармане плаща. Оглушенного гражданина оттащили к лодке. Убийца развит физически — если, конечно, был один. Следы волочения смыл дождь — даже не ищите. Взял его за шиворот и треснул виском об уключину, после чего пристроил рядом с лодкой — дескать, поскользнулся, разбил голову. Весло снято и лежит в лодке. Почему? Второе на месте — в правой уключине. А потому, что бить по металлу эффективнее, чем по дереву. Достаточно одного удара, если умеючи. Невозможно так упасть, поскользнувшись. Он бы лбом треснулся, а не виском. Да и сила, с которой его приложили, — это с неба надо упасть, а не с высоты собственного роста...

— Ладно, не сочиняй, — отмахнулся Гурской. — Мегрэ хренов. Начитался глупых детективов. Ближе к земле надо быть, Демаков.

— Повторяю, дело хозяйское, товарищ подполковник. — Демаков искоса глянул на «заинтересованное лицо». — Это не все. Чтобы ударить жертву об уключину, преступник взял его за шиворот. Обратите внимание, — Демаков при-

ДЕВЯТЫЙ КРУГ

сел на корточки рядом с трупом, аккуратно перевернул его лицом вниз. — Видите, ткань порвана — вот здесь, сзади? Преступник продавил ее пальцами, когда схватил потерпевшего. Капюшон остался под подушкой ладони, а пальцы изнутри прорвали ткань. Брезент так просто не проткнешь, но в данном случае приложили усилие, а штормовка не новая, материал обветшал. Все видят? Дыры, как в кастете, куда просовывают пальцы. Назовите другую причину, почему на загровке у покойного порвалась ткань? Как ее вообще там можно порвать?

Оперативники сгрудились, внимательно слушали. Возразить было нечего. С недовольством подошел Гурской, растолкал людей, тоже уставился. Потом сплюнул, проворчал:

— Тьфу на тебя, Демаков.

— Блин, Андрюха прав, — пробормотал кто-то. — А мы, лопухи, не заметили...

Оперативник снисходительно посмеивался, но самодовольства не проявлял.

Михаил поманил его пальцем. Тот помялся, подошел.

— Наблюдательный ты парень, молодец. Кто по званию?

— Старший лейтенант.

— Негусто... Будешь работать по этому делу. Полномочия получишь, с твоим начальством я договорюсь. Наплюй на него, теперь твое начальство — я, майор Кольцов Михаил Андреевич, Комитет государственной безопас-

ности. Дело, без преувеличения, государственной важности, запомни это. Подбери толковых ребят. Будут вставлять палки в колеса — сразу сообщи, телефон управления я дам. Будут подвижки — тоже звони. Рой землю, но выйди на след убийцы. Больше ничего сказать не могу, сам понимаешь: государственные секреты.

— Хорошо, товарищ майор... — Оперативник растерялся, но явно был польщен. — А что, так можно?

— Нужно, Демаков. Жаль, что в нашей стране разбрасываются ценными кадрами. Уяснил задачу?

Осталось разобраться с «некоторыми руководящими кадрами». Он направился к Гурскому. Тот смотрел исподлобья, сопел от злости. Налог на идиотов этой стране бы точно не помешал...

Совещание он проводил лично, тем же вечером, на Коммунистической. В кабинете, выделенном под нужды командированных, горел приглушенный свет. Под ногами — ковровое покрытие. Со стены бдительным оком взирал Феликс Эдмундович в картузе, с бородкой клинышком — пламенный революционер и основатель знаменитой ВЧК.

Присутствовали прибывшие москвичи и двое местных — старший лейтенант Славин и капитан Некрасов, мужчина лет сорока, спокойный и рассудительный. Ставить в ружье всю местную контору Кольцов не собирался, ограничился бе-

седой с начальником управления полковником Ракитиным, вручил, так сказать, верительные грамоты. Чем меньше посвященных, тем больше вероятность сохранить секреты.

Сейчас он разглядывал постные лица сотрудников. Доводить информацию закончил минуту назад — люди переваривали. На столе стояли чашки с чаем, пепельницы. Вентиляция работала — дым не задерживался.

— Коньячка бы еще, — пошутил в своей манере Григорий Вишневский, но отклика не дождался. Шутить не хотелось.

Планы по созданию в КГБ отдельного Управления по борьбе с промышленным шпионажем оставались пока теоретическими. В недрах 6-го управления (безопасность на транспорте) сформировали засекреченное подразделение «Х», оно и занималось данным вопросом. Майор Кольцов и его люди представляли именно эту структуру.

— Вопрос позвольте, Михаил Андреевич? — поднял голову капитан Некрасов. — Какие у вас полномочия в нашем городе?

— Неограниченные, Виктор Алексеевич. В рамках, разумеется, действующего законодательства. Ваше руководство в курсе. С этого дня сотрудников, прикрепленных к нашей группе, не волнуют желания их начальства и прочих властей.

По закону местные органы ГБ подчинялись местным властям. На деле же — центральному аппарату КГБ. Республиканские и областные

чиновники фактически не контролировали деятельность собственных органов.

— Есть еще вопросы, товарищи?

— Считаете, агент Звонарь — это погибший на озере Запольский? — спросил Некрасов.

— Пока не знаю. Наши противники в курсе, что Толмачев попался, Пол Саймон задержан, и информация о Звонаре рано или поздно всплывет. Но имени агента Толмачев не знает. Пол Саймон тоже не обязан его выдавать. Его дело — выразить глубокое возмущение произволом советских властей, задержавших добропорядочного дипломата, дожидаться консула, освобождения из-под стражи и выдворения из страны. Возможно, он уже в Америке. Имя Звонаря останется тайной. Наши коллеги из ЦРУ это понимают.

— Тем не менее точно к нашему прибытию гибнет один из руководителей предприятия, на которое мы хотим обратить внимание, — заметил Алексей Швец, мрачноватый мужчина средних лет с мучнистым лицом. — Вопрос на засыпку, Михаил Андреевич: знают ли наши оппоненты, что в Н-ск выдвинулась группа по поиску Звонаря?

— Знают, — кивнул Михаил, — иначе как-то неудобно за наших американских коллег. Поэтому будьте осторожны. Запольского убили, это никакой не несчастный случай. Нас могут увести со следа, подставив невинного. Жестоко, но нашим врагам не до сантиментов. Ничего техни-

чески сложного: узнали о планах, задержали Гурского, поцарапав его машину... Неуклюже, топорно, но у них не было времени подготовиться. Вторая версия — Запольский и есть Звонарь. Но странно, Звонарь, безусловно, ценный агент. Избавляться от ценного агента, когда над ним еще не висит дамоклов меч, просто неразумно.

— Может, не последний? — предложил неожиданную версию Вадик Москвин. — Кстати, Михаил Андреевич, в пользу вашей второй версии говорит тот факт, что убийство пытались замаскировать под несчастный случай. Зачем это делать, если Запольский невиновен? Убили бы открыто.

— А это хитрость, — улыбнулся Вишневский, — лично я так бы и сделал, чтобы запутать расследование.

— В общем, темный лес, — заключил Кольцов. — Милиция пороется, посмотрим на результат. Но рассчитывать на их успех я бы не стал. Утверждение, не требующее доказательств: ликвидировать ценного кадра на оборонном предприятии западные спецслужбы не будут. Используют до последнего. А разоблачат — не беда, информация уже ушла, будут готовить потомство. Либо Запольский не агент, либо, как выразился Вадим, агент, но не последний. Данная версия — так себе. Вряд ли оставшийся шпион будет плодотворно работать, зная, что и его однажды ликвидируют. Поэтому предлагаю закрыть глаза на смерть Запольского и начать поиски Звонаря.

— А как будет Звонарь по-английски? — встрепенулся Славин.

— Мм.. Bell ringer. А что, Николай?

— Не знаю, — смутился Славин. — Просто на ум пришло.

— Тогда не мешай работать.

— Что по Гурскому, товарищ майор? — спросил Москвин. — Он прилагал старания, чтобы дело выглядело как несчастный случай.

— И что? — удивился Кольцов. — Меньше всего замначальника УВД хотел бы быть замешан в деле об убийстве. Пусть не напрямую, но все же. К тому же дела семейные, и что там у них... понятия не имею и иметь не хочу. Он вел себя глупо, но логично. Субъект неприятный, но это не делает его фигурантом. Работать в этом направлении не вижу смысла.

— Подобным персонам и так неплохо живется. Они редко становятся фигурантами шпионских дел, — поддержал Швец. — Злоупотребление служебным положением, промысел в неположенном месте, пьяная езда... что там еще? Ну, супершпион.

— Иностранцев много в городе, Виктор Алексеевич?

— Хватает, — кивнул Некрасов. — Хоть и Сибирь, но третий город в стране. Масса оборонных предприятий, научных институтов, проектных учреждений. Уж молчу про Академгородок, где секретам упасть негде. Город, тем не менее, не закрытый, в отличие от того же